

Встреча

Скажу вам откровенно: я очень люблю людей.

Другие, знаете ли, на собак растрачивают свои симпатии. Купают их и на цепочках водят. А мне как-то человек милее.

Однако, не могу соврать: при всей своей горячей любви не видел бескорыстных людей.

Один, было, парнишка светлой личностью промелькнул в моей жизни. Да и то сейчас насчет него нахожусь в тяжелом раздумье. Не могу решить, чего он тогда думал. Пес его знает — какие у него были мысли, когда он делал свое бескорыстное дело.

А шел я, знаете, из Ялты в Алупку. Пешком. По шоссе. Я в этом году в Крыму был. В доме отдыха.

Так иду я пешком. Любуюсь крымской природой. Налево, конечно, синее море. Корабли плавают. Направо — чертовские горы. Орлы порхают. Красота, можно сказать, неземная.

Одно худо — невозможно жарко. Через эту жару даже красота на ум нейдет. Отворачиваешься от панорамы. И пыль на зубах скрипит.

Семь верст прошел и язык высунул. А до Алупки еще чорт знает сколько. Может, верст десять. Прямо не рад, что и вышел.

Прошел еще версту. Запарился. Присел на дорогу. Сижу. Отдыхаю. И вижу — позади меня человек идет. Шагов, может, за пятьсот.

А кругом, конечно, пустынно. Ни души. Орлы летают.

Худого я тогда ничего не подумал. Но все-таки, при всей своей любви к людям, не люблю с ними встречаться в пустынном месте. Мало ли чего бывает. Соблазну много.

Встал и пошел. Немного прошел, обернулся — идет человек за мной. Тогда я пошел быстрее, — он как будто бы тоже поднажал.

Иду, на крымскую природу не гляжу. Только бы, думаю, живьем до Алупки дойти. Оборачиваюсь. Гляжу — он рукой мне машет. Я ему тоже махнул рукой. Дескать, отстань, сделай милость.

Слышу, кричит чего-то. Вот, думаю, сволочь, привязался! Ходко пошел вперед. Слышу опять кричит. И бежит сзади меня.

Несмотря на усталость, я тоже побежал. Пробежал немного — задыхаюсь.

Слышу кричит:

— Стой! Стой! Товарищ!

Прислонился я к скале. Стою.

Подбегает до меня небогато одетый человек. В сандалиях. И вместо рубашки — сетка.

— Чего вам, говорю, надо?

— Ничего, — говорит, — не надо. А вижу — не туда идете. Вы в Алупку?

— В Алупку.

— Тогда, — говорит, — вам по шаше не надо. По шаше громадный крюк даете. Туристы тут завсегда путаются. А тут по тропке надо итти. Версты четыре выгоды. И тени много.

— Да нет, — говорю, — мерси-спасибо. Я уж по шоссе пойду.

— Ну, — говорит, — как хотите. А я по тропинке.

Повернулся и пошел назад. После говорит:

— Нет ли папироски, товарищ? Курить охота.

Дал я ему папироску. И сразу как-то мы с ним познакомились и подружились. И пошли вместе. По тропинке.

Очень симпатичный человек оказался. Пищевик. Всю дорогу он надо мной смеялся.

— Прямо, — говорит, — тяжело было на вас глядеть. Идет не туда. Дай, думаю, скажу. А вы бежите. Чего-ж вы бежали?

— Да, — говорю, — чего не пробежать.

Незаметно, по тенистой тропинке пришли мы в Алупку и здесь распрощались.

Весь цельный вечер я думал насчет этого пищевода.

Человек бежал, задыхался, сандалии трепал. И для чего? Чтобы сказать куда мне надо идти. Это было очень благородно с его стороны.

Я теперь, вернувшись в Ленинград, думаю: пес его знает, а может, ему курить сильно захотелось? Может, он хотел папироску у меня стрельнуть. Вот и бежал. Или, может, идти ему было скучно — попутчика искал.

Так и не знаю.